

и роли объединены в континуум, в котором без жертвы нет агрессора, без страха — азарта, без слепоты — прозрения. Так игра создает тот «практический смысл» или сам собой разумеющийся мир отношений, которые «встраиваются» в тело: «Тело верит в то, во что играет; оно не запоминает прошлое, но приводит его в движение, и уничтоженное таким образом прошлое начинает жить заново. Заученное телом — это не что-то такое, что можно как знание нести перед собой, а то, чем тело и является. Особенно хорошо это видно в бесписьменных обществах, где унаследованное знание может сохраниться только в инкорпорированном состоянии»²³.

Городские детские рассказы о страшном и взрослые неврозы, связанные с боязнью кого-то, спрятавшегося за занавеской²⁴, — след освоенного в игре в прятки эмоционального диапазона. Но это еще и набор «топосов угрозы», которым пользуются, чтобы рассказать об экзистенциальной тревоге. И к этому «общему набору» для говорения о тревожности предчувствий и бесповоротности прошлого обращается и высокая поэзия. Можно бояться только того, чего научились бояться. Что освоено в играх, ритуалах и нарративах. В деревне можно опасаться банника в бане, дворового во дворе, лешего — в лесу, водяного — на реке или озере, но не неизвестно кого за занавеской. Горожане не знают, «кто стоит в углу у окна за шторой», но не затруднятся предположить, что в тривиальнейшем из мест затаился не имеющий облика демон (злодей, грабитель, любовник). Выросшие городские дети хранят фантомное детское опасение в теле. И, как только их «взрослости» угрожает неопределенность кризиса или конфликта, невроз проявляется в освоенном в детской игре эмоциональном и телесном навыке.

²³ Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 142.

²⁴ По мысли Эриха Фромма, «неврозы — это выражение моральных проблем, а невротические симптомы возникают как следствие неразрешенных моральных конфликтов» (Фромм Э. Человек для самого себя. М., 2009. С. 225).

ПЕРВИЧНЫЕ ЗНАКИ: ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ ТЕОРИЮ (Вместо заключения)

Наш исследовательский проект, результатом которого является в том числе и настоящая монография, мы назвали «Первичные знаки, или Прагмемы». Нас интересует то, как практики и дискурсы организуют человеческий мир в конструкцию, пригодную для действия и понимания. Мы говорили о «я» по отношению к «ты» (в «Мужском роде»), об иерархиях, а также об альтернативах иерархиям (в «Комплексе Чебурашки»), о непроговариваемых, но практикуемых порядках обыденной жизни (в «Символическом порядке»)¹.

Предметом исследований настоящей монографии были точки сборки таких конструкций. Мы полагаем, что ими служат феномены, которые мы называем первичными знаками. Теперь уместно определить то, что мы под этим понимаем.

¹ См.: Адоньева С. Б. Символический порядок. СПб., 2011; Комплекс Чебурашки, или Общество послушания / сост. и общ. ред. И. С. Веселовой. СПб., 2012; Мужской род. Первое лицо. Единственное число: Дневники Д. И. Лукичева и Д. П. Беспалова / сост., вступ. статьи и коммент. С. Б. Адоньевой. СПб., 2013.

Соотнесение феноменологических суждений философов и обобщений, сделанных антропологами и социологами, представляет необходимый фундамент нашей аналитической работы, поскольку наша задача состояла в описании точек схождения внутреннего опыта и реальности, постулируемой дискурсами и подкрепляемой согласованием практик.

Восприятие и опыт

Первичный знак — это событие первичного восприятия, событие, посредством которого разворачивается реальность.

Для того чтобы показать, как именно понятие «первичного знака» соотносится с понятием восприятия (перцепции), обратимся к статье о восприятии, которую в конце XIX века написал для энциклопедии Брокгауза и Ефрона философ Владимир Соловьев. Мы выбираем это определение, поскольку по сравнению с другими энциклопедическими определениями, в том числе и современными (как философскими, так и психологическими), оно позволяет увидеть восприятие как процесс, динамически: «По Канту, восприятие предметов обусловлено действием рассудка, связывающего определенным способом разнообразный извне данный материал ощущений. Этот взгляд... сделался господствующим в новейшей психологии и гносеологии, которая под восприятием понимает собственно *узнавание* того, что дано в ощущении».

Описанное философом положение дел сохраняется и сегодня: под восприятием обычно понимают узнавание того, что представлено в ощущениях. Но Соловьев не ограничился этим определением. Он рассмотрел процедуру восприятия и обнаружил в восприятии нечто, по необходимости ему предшествующее: «Во-первых, при всяком данном ощущении вспоминаются прежние такие же ощущения, и через это настоящее ощущение узнается или различается в своем определенном чувственном качестве... Во-вторых... вспоминая прежние случаи такой же связи и дополняя ее представлением о других чувственных качествах, не воспринимаемых действительно в данном случае, но воспринимавшихся прежде в постоянной связи с данными, мы узнаем определенный предмет...» Но необходимо и третье: «...чтобы этому акту *сложного* восприятия сообщить полноту объективной действительности, необходимо ввести его

в общий состав нашего опыта... Из сказанного ясно, что восприятие на всех трех степенях своих основано главным образом на деятельности воспоминания...»².

Для завершеного восприятия необходимо случающийся здесь и сейчас набор ощущений опознать как целостный предмет и ввести в поле собственного опыта. В определении Соловьева присутствует идея времени, причем времени субъективного, с обязательным для него «прежде» и «теперь»: настоящее восприятие возможно постольку, поскольку был прежний опыт, обеспечивший возможность опознать данное восприятие как восприятие чего-то.

Мэри Дуглас описывает процесс восприятия и то, как участвует в нем прежний опыт: «В процессе восприятия мы строим, что-то принимая и что-то отбрасывая. Лучше всего принимаются те вещи, которые наилучшим образом вписываются в выстраиваемый образ. Неоднозначное имеет тенденцию пониматься так, чтобы лучше всего согласовываться с остальными частями образа. То, что не согласуется, скорее всего отбрасывается. Если же такое принимается, то должна быть модифицирована структура представлений. Происходит обучение, и объектам присваиваются имена. Эти имена влияют на то, как эти объекты будут восприняты в следующий раз: получив метки, они скорее будут попадать каждый в свою классификационную ячейку.

Со временем происходит накопление опыта, мы все больше и больше вкладываем в нашу систему меток. Так что консервативное смещение заложено в ней. Она придает нам уверенность. В любой момент времени мы можем столкнуться с необходимостью модификации структуры представлений для того, чтобы привести ее в согласие с новым опытом, но чем последовательнее наш прошлый опыт, тем боль-

² Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: <http://enc-dic.com/brokgause/Vosprijatie-86935.htm>

ше мы уверены в правильности своих представлений. Мы обнаруживаем, что неудобные факты, которые не желают вписываться в них, игнорируются нами или искажаются таким образом, чтобы они не вносили беспорядка в устоявшиеся представления. В общем, все, что мы замечаем, заранее отбирается и организуется самим актом восприятия. У нас, как и у других животных, есть своего рода фильтрующий механизм, который сперва пропускает только те впечатления, с которыми мы знаем, что делать»³.

Итак, во-первых, в распознании/узнавании чего-то в восприятии необходимым образом участвует что-то, что было в прошлом, необходим опыт прежних восприятий. Во-вторых, для узнавания необходимо то, что получено от других людей. Мы опознаем только то, что различаем. А различаем мы только то, что научились различать: предшествующий данному восприятию опыт не свободен и не сугубо индивидуален. Он был как-то и кем-то задан: высказываниями и действиями других людей, которые совершали какие-то операции и тем самым обнаруживали вещи в их связях и отношениях.

«Висящий передо мной натюрморт Виктора — не изображение яблок, — пишет Мамардашвили, — а орган производства зрения чего-то, что “песком зыбким” моей впечатлительности и способности переживания... не может держаться и развиваться. Этими яблоками я что-то вижу... что-то, чего нет в реальном непрерывном пространстве воздействия и в настоящем моменте восприятия...»⁴. Поясняя свою мысль, Мамардашвили замечает: «Картина меня производит. Она во мне как бы помнит, что делать с наблюдениями этого рода, что и как “ими видеть”»⁵.

Первичные знаки, таким образом, — это особые конструкции, определяющие наш мир и то,

как мы будем обходиться с воспринимаемым миром⁶.

Антрополог Клиффорд Гирц в 1970-х годах, практически в то же время, что и Мамардашвили, пишет об образе чувствования (sensibility), который задается человеку посредством культуры, в которой он живет: «Поставленная, неоднократно сыгранная, но так и не оконченная постановка, петушиный бой, дает возможность балийцу увидеть — как нам это позволяет чтение и перечитывание “Макбета” — мир его собственной субъективности. По мере того как он смотрит один поединка за другим... он постепенно сживается с этим занятием и с тем, что оно ему говорит, — подобно тому, как внимательный слушатель струнного квартета или зритель, поглощенный созерцанием натюрморта, постепенно сживаются с объектами своего восприятия в такой манере, которая открывает им их собственную субъективность. И все же, поскольку — еще один из преследующих эстетику парадоксов, наряду с нарисованными чувствами и действиями на бумаге — эта субъективность по-настоящему не существует до тех пор, пока она подобным образом не организована, формы искусства создают и воссоздают ту самую субъективность, которую они призваны только изображать. Квартеты, натюрморты и петушиные бои — не просто отражения некоего существовавшего ранее образа чувствования, они — активная действующая сила в создании и поддержании такого образа чувствования»⁷.

Мы опознаем случившиеся впечатления посредством «третьих вещей», «структурирующих наше сознание и индуцирующих возможные состояния»⁸. Они — инструменты доступа, одновременно обеспечивающие формой и воспринимаемое, и воспринимающего.

³ *Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громо-вой; под ред. С. Баньковской. Вступ. статья и коммент. С. Баньковской. М., 2000. С. 66–67.

⁴ *Мамардашвили М.* Стрела познания. набросок естественной исторической гносеологии / под ред. Ю. П. Сенокосова. М., 1996. С. 241.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб., 1999. С. 85.

⁷ *Гирц К.* Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев / пер. Е. М. Лазаревой; под ред. А. В. Матешук // Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 510–511.

⁸ *Мамардашвили М.* Стрела познания. С. 241.

«Третьи вещи», или первичные знаки, не даны человеку как биологическому виду: они усваиваются через ту культуру и язык (через дискурсы), а также — привычки и обиход (через практики), в которые человек встраивается с рождения. Они, делая человека таким, каков он есть, становятся частью его состава. Ариадна Эфрон, вспоминая свое раннее детство, писала: «По воле Марины (матери, М. И. Цветаевой. — С. А.) мир ограничивался стенами детской или становился улицей, из зимы превращался в лето, распахивал и закрывал окна и двери, останавливался как вкопанный или, благодаря извозчику, реже — поезду, преображался в движение, чтобы, уgomонившись, вдруг назваться “дачей” или “Коктебелем”. Назваться. Ибо именно по Мариной воле все видимое начало обозначаться словами и тем самым материализоваться, определяться, обретать форму, цвет и смысл»⁹.

Этот пример — частный случай рефлексии в отношении того, как, посредством каких отношений человеку вмещается осмысленный жизненный мир, что в нем становится различимым, а что — нет, что становится «фигурой», а что «фоном».

Топологии и предметность мира

Воздействия, которые я переживаю в поле своего длящегося здесь и сейчас «я», за счет определенного наведения превращаются в «не-я»¹⁰, в предметы: «Видимые мною вещи я составляю из событий (а не наоборот), — замечает Мамардашвили, — за чем стоят свернувшиеся

в вещественный субститут пространство-время и структура сознания (топос), чудовищно плотные»¹¹.

Топологическая разметка происходит при помощи слов и иных знаков, задающих формы (паттерны), которые и обеспечивают превращение событий (актов восприятия) в предметы (реалии жизненного мира). О том, как эту задачу выполняет язык, писал Грегори Бейтсон: «...с помощью подлежащих и сказуемых в синтаксисе языка постоянно выражается мысль, что “объекты” каким-то образом “обладают” качествами и свойствами. Точнее было бы сказать, что “объекты” возникают или воспринимаются, как нечто отличное от других “объектов”, и обретают “реальность” в силу их внутренних отношений, отношений к другим вещам и к говорящему»¹². События воздействия (случившегося со-бытия), схватываемые сознанием посредством отношений (категорий, задающих топологию), превращаются в предметы. Таким образом, первичные знаки — это топологические фигуры, обеспечивающие предметность и осмысленность мира.

Последний, как мы знаем благодаря Витгенштейну, есть совокупность фактов, а не вещей; мир распадается на факты. Атомарный факт, в свою очередь, есть соединение предметов¹³: «Каждый предмет существует как бы в пространстве возможных атомарных фактов. Это пространство я могу мыслить пустым, но не могу мыслить предмет без пространства»¹⁴. Соединение вещей — что Витгенштейн называет атомарным фактом, — не элемент физического мира, соединение, связь — элемент смыслового или жизненного мира. Топологически организованный мир, мир заданных связей, мир валентностей и образует предметы, реальность.

⁹ Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М., 1989. С. 52–54.

¹⁰ Ч. С. Пирс описал, как именно это происходит: «Пронзительный свисток (паровозного гудка. — С. А.) не позволяет вам размышлять или что-либо делать, но только страдать... Человек в своей инертности отождествляет себя с предшествующим состоянием своего ощущения, так что новое ощущение, приходящее независимо от него, выступает как не-я. Он обладает двусторонним сознанием я, не-я». И это осознание действия нового ощущения в разрушении старого „я” называю опытом» (Пирс Ч. С. Избр. философ. произведения / пер. с англ. К. Голубович и др. М., 2000. С. 165).

¹¹ Мамардашвили. Стрела познания. С. 242.

¹² Бейтсон Г. Разум и природа. Необходимое единство / пер. с англ. и примеч. А. И. Фета. Philosophical Arkiv Sweden, 2016. С. 61. URL: http://aifet.com/books/transl_v7_Bateson.pdf

¹³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. и свер. с автор. англ. пер. И. С. Добронравовым, Д. Г. Лахути. М., 2011. С. 36.

¹⁴ Там же. С. 40.

Этот механизм можно проиллюстрировать примерами из повседневной речи взрослых, обращенной к маленькому ребенку. На случившийся совместный у маленького ребенка и взрослого визуальный опыт взрослый реагирует обучающим высказыванием. «Кто это?» — спрашивает он. Так создается пустое пространство атомарных фактов: наблюдаемое размечается введением пустых ячеек для субъекта («это») и предиката («кто»). И сам отвечает на этот вопрос: «Это — лошадка!». Так «этому», топологически уже разместившемуся в пространстве-времени — «это» находится сейчас и здесь, неподалеку от тебя, — присваивается значение: это теперь будет относиться к классу лошадей. Так создается предмет. Позже «это» будет опознаваться как определенный предмет снова и снова и, тем самым, за счет вновь и вновь происходящих различений и именовании, удерживаться и «твердеть».

Конвенции жизненных миров

Следующее положение очень важно для наших исследований, поскольку оно связывает топологию с культурой. «Факт», совокупность которых и делает вещи различимыми, — результат договора, или конвенции. Конвенциональная реальность — это та реальность, в которой нам случилось жить, признав тот или иной набор связей¹⁵. И, поскольку жизненные миры стоят на конвенциях, на тех самых «третьих вещах», задающих восприятия и условия для понимания и действия, — люди и группы могут жить в разных мирах. «Действительная вещь дана в восприятии односторонне, ее каузальные отношения остаются неопределенными. Объективность природы

конструируется только в едином (unified) пространственно-временном контексте переживаний множества Эго, вступающих в коммуникацию посредством своих тел»¹⁶.

Группы воспроизводят и удерживают свой жизненный мир, подтверждая словами и делами разделяемый группой «образ чувствования». Конвенция, не осознаваемая как договор, как условная связь, служит элементом классификационной схемы, внутренней схемы, упорядочивающей опыт и обеспечивающей скоординированное поведение. Тем самым, такая связь является одновременно и условием восприятий, и элементом конструкций жизненного мира, являющих себя в повседневной жизни людей.

Поясню это примером, к которому мы обращались, рассматривая топологическую «работу» повседневности. В начале 30-х годов XX века группа психологов во главе с А. Р. Лурией, ища доказательств теории общественно-исторического характера мышления, проводила полевое исследование в узбекских деревнях. Психологов интересовали принципы классификации в их связи с типом той социальной практики, в которую вовлечен индивид. Эксперименты, проведенные с местными жителями, показали, что различение цветов по категориям спектра, выученное в школе, приводит к тому, что испытуемые, чьи восприятия выстроены государственным образованием, различают красный, желтый и пр. В то время как никогда не учившиеся в школе женщины различают цвет свиного помета, утреннего неба и пр. Видящие красный и видящие цвет утреннего неба определяют то, что они видят, на основе усвоенных навыков цветоразличения цветовых паттернов, ставших для них качествами внешнего мира¹⁷.

Конвенции определяют не только принципы различения и квалификации объектов воспри-

¹⁵ Searle J. R. The Construction of Social Reality. New York, 1995. P. 28.

¹⁶ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. пер. Г. С. Батыгин. М., 2003. С. 36.

¹⁷ Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974. С. 33–57.

нимаемого мира, но и способы действия. Один из основателей теории гештальта, Курт Левин, выявил следующий феномен поведения человека: окружающие его предметы имеют для него свою валентность — спектр возможных в отношении этого предмета действий¹⁸. Валентность предметов представляет собой своего рода «психологическое поле», энергетический заряд, вызывающий у человека специфическое напряжение, требующее разрядки¹⁹. Б. В. Зейгарник для пояснения эффекта полевого поведения описала несколько экспериментов, с помощью которых Левин доказывал существование психологического «поля»²⁰. Например, испытуемый приглашался в комнату, где на столе были разложены различные предметы (колокольчик, книга, карандаш, распечатанное письмо), также был шкафчик, закрытый занавеской из свисающих гирлянд бисера, и другие объекты. Испытуемого просили минуточку подождать. «Я забыл, что мне необходимо позвонить», — говорил экспериментатор, выходил из комнаты, а сам наблюдал (через стекло Гизела) за тем, что будет делать испытуемый. Все без исключения испытуемые (а это были не только студенты, но и сотрудники берлинского института психологии — профессора, доценты) производили какие-то манипуляции с предметами: некоторые перелистывали книгу, трогали «шкафчик», проводя пальцем по бисерной занавеске; все без исключения позванивали колокольчиком. Левин задался вопросом, почему взрослые серьезные люди совершали подобные манипуляции, и отвечал, что в ситуации, в которой субъект не занят осмысленным действием (а для Левина это означало, что в данной ситуации у людей не формировалось дифференцированного намерения), поведение становилось «ситуативно обусловленным», или «полевым». Для Левина было важно установить,

что окружающее психологическое «поле», окружающая ситуация таит в себе возможность вызвать действие в направлении предмета с положительной валентностью или уйти от предмета с отрицательной валентностью. Это означает, что субъект с его внутренними заряженными системами и окружающая ситуация составляют единый континуум²¹.

Зейгарник приводит свой пример того, как работает «поле»: «Признаки “полевого поведения” часто выступают и в обыденной жизни: например, если вы заметите у стоящего перед вами человека в троллейбусе белую нитку на темном костюме, вы захотите ее снять, хотя, как правило, вы не выполните этого желания. Чаще всего подобные явления выступают в аффективно окрашенных состояниях, когда случайные вещи “лезут в глаза”»²².

Взгляд антрополога легко различает в примерах Зейгарник культурную обусловленность сценариев, которыми «заряжены» предметы. Звонить в колокольчик будут те, кто знает, зачем существует этот предмет в этом пространстве, перелистывать книгу — те, кто знает, как обращаться с книгами, и т. д. Желание привести в порядок костюм другого должно быть основано на имеющихся у человека представлениях относительно порядка и беспорядка, а также того, как должен выглядеть костюм. Таким образом, поле вызывающих к действию предметов обеспечено конвенциями того жизненного мира, который человек усвоил.

Х. Блумер, ссылаясь на Дж. Мида, так формулирует базовые принципы прагматизма: «1. Есть мир реальности “вне нас”, который противостоит людям и способен сопротивляться действиям в отношении него. 2. Этот мир реальности становится известен людям только в той форме, в которой он воспринимается людьми.

¹⁸ Если мы транспонируем идею валентностей вещей в категориальное поле Витгенштейна, то получится следующее. Человек вступает во взаимодействие с предметами тогда, когда различает их как элементы атомарных фактов. Тогда он знает, что можно с ними делать и что можно о них думать.

¹⁹ Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. М., 1981. С. 18–32.

²⁰ Первые его положения о существовании мира вещей с положительной и отрицательной валентностью были отражены в научном фильме «Ханна садится на камень» (1928). В нем рассказывается о полуторагодовалой девочке, которая предпринимает тщетные попытки сесть на камень. Девочка кружится вокруг камня, прижимается к нему, хлопает по нему ручками, даже лижет его, но не садится. К. Левин объяснял: камень, на который хочет сесть ребенок, имеет для него положительный характер, т. е. притягивает его. А для того чтобы сесть на камень, надо совершить действие, обратное этой положительной валентности, т. е. отвернуться от камня.

²¹ Там же. С. 49–51.

²² Там же. С. 49.

3. Таким образом, эта реальность изменяется, когда люди развивают новые восприятия ее»²³.

Важными для нашего исследования являются в первую очередь второй и третий из названных принципов: мир реальности известен людям в той форме, в которой он воспринимается. И, следовательно, развитие новых восприятий, то есть — изменение топологии, меняет реальность. Таким образом, первичные знаки обеспечивают устойчивость реальности, устойчивость жизненного мира, и они же отвечают за перемены.

Для того чтобы увидеть, как реальность создается (и воспроизводится) посредством заданных схем, мы обратились к тривиальным и рутинным феноменам жизни и рассмотрели, как в них артикулируется формат. Для того чтобы увидеть, как меняется реальность, мы обратились к изменениям в повседневности и рассматривали их как изменения опыта, а следовательно, и жизненного мира. Нас интересовало то, как именно образуются «третьи вещи», что происходит в том месте, где сходится вмененное, заданное в процессе социализации, знание и переживаемый опыт, как создается назначенная реальность и как она изменяется.

Первичные знаки и переживание: *grâce*

Есть и еще одна вещь, о которой мы должны говорить в рамках темы первичных знаков: опыт создает только переживаемый мир, человеческий опыт всегда окрашен эмоционально. Эмоции и чувства мотивируют, организуют и на-

правляют восприятие, мышление и действия²⁴. Но что организует и направляет чувства? Чувствами занимается искусство на практике и психология в теории, но испытывают их все. Все люди делают это: страшатся, хотят, обижаются, негодуют, скучают, млеют в ожидании удовольствия, унывают и ликут. Чувства и желания (эмоционально заряженные потребности) — двигатель внутреннего сгорания, приводящий в движение поршни человеческой деятельности. Энергии скрываются именно здесь, но, как ни странно, эта предельно положительная с точки зрения производства реальности область в большей степени освоена терапевтическим анализом, как будто чувства — болезнь, нуждающаяся в излечении, или проблема, которая должна быть решена, а не значимый жизненный опыт, подлежащий рефлексии.

Нам приходилось писать, что рассказывание историй, так же как и пение, и причитание, есть превращение актуального настоящего переживания в прошлое, в опыт²⁵. Но о каком настоящем идет речь? Это — субъективное настоящее, то, которое для меня представляет собой сложное пространство связанных в ткань переживаний. Они задают тон настоящего, тон каждого дня, каждого момента жизни. Эти фигуры присутствия, эти не моментальные, но длящиеся переживания, для того чтобы стать различимыми, а потом и присвоенными для последующих применений, должны превратиться из фона в фигуру. Только тогда их можно будет назвать и отличить от «я», а следовательно, сделать одним из «предметов» жизненного мира.

Полагаем, что именно здесь скрываются условия изменения в жизненных мирах. Внутренний акт, в котором совершается такого рода транспозиция — перемещение из фона в фигуру, необходимо предполагает пороговое состояние

²³ Blumer H. Mead and Blumer: The convergent methodological perspectives of social behaviorism and symbolic interactionism // *American Sociological Review*. New York, 1980. Vol. 45. N 3. P. 410.

²⁴ См., напр.: Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. А. Татлыбаевой. СПб., 1999.

²⁵ См.: Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины / пер. с англ. А. Зиндер. М., 2016. С. 120 и далее (гл. 3: Субъективность и относительная идентичность. Рассказы женщин об ухаживании и замужестве).

или, как это определял Хайдеггер, состояние «здесь-бытия». Это случившийся экзистенциальный акт, в котором обязательно присутствует трансцендентное. Представляется, именно об этом говорил Мамардашвили, говоря о благодати, или милосердии Божиим (grâce), являемом в неуправляемых впечатлениях-воспоминаниях: «В подвешенной точке, или если я задержался, подвесил свой опыт в амехании, я могу разобратся в испытанной мной дислокации, в смещении, в разрыве, пройти в созданный дислокацией разрыв, промежуток разрыва, — я могу пройти, задержанный трудом, и там мне помогают сами произвольные воспоминания. В русском переводе нет точного перевода французского слова, которое одновременно является и религиозным понятием, и религиозным символом, это — grâce, милосердие Божие. Там, где мы вот так напряглись, и там, где нет оснований, иногда нам помогает grâce, божественное милосердие...»²⁶.

В определении точки становления внутреннего опыта Мамардашвили удивительным образом совпал с определениями Грегори Бейтсона. Бейтсон использовал то же слово, благодать (grâce), для того, чтобы определить миссию творчества: «Я утверждаю, — писал ученый, — что искусство — это часть человеческого поиска благодати; оно приводит его в экстаз при малейшем успехе и в ярость и муки при неудаче. Я утверждаю, что существует много видов благодати внутри главного родового понятия, а также что есть много видов неудачи, фрустрации и отхода от благодати. Нет сомнений, что в каждой культуре есть свои характерные виды благодати, к которым стремятся ее художники, а также собственные виды неудач. Некоторые культуры могут вырабатывать негативный подход к этой сложной интеграции и из-

бегать затруднений, грубо отдавая предпочтение либо тотальной сознательности, либо тотальной бессознательности. Такое искусство вряд ли будет “великим”. Я утверждаю, что проблема благодати — это главным образом проблема интеграции; и то, что следует интегрировать, это различные части разума (mind). Особенно это касается тех множественных уровней, один из экстремумов которых мы называем “сознанием”, а противоположный “бессознательным”. Для достижения благодати рассуждения сердца должны быть интегрированы с рассуждениями рас-судка»²⁷.

Чувства, в отличие от мыслей, не могут быть предъявлены в качестве рационально выстроенных высказываний. Они являют себя посредством образов, посредством пластических, графических, звуковых форм, посредством стилей, сцепляя воспринимающего и воспринимаемое в единую конструкцию. Это — их способ задавать топологию, топологию переживания мира. В. А. Подорога называет такие формы рефлексивными структурами субъективности²⁸.

О них писал Клиффорд Гирц: «Цветные заметки (color jotting) Матисса (его собственное выражение) и линейные композиции йоруба (народности Западной Африки. — С. А.) вовсе не возвеличивают (разве что мимоходом) социальную структуру и не пропагандируют полезные учения. Они материализуют особый вид переживания, переносят определенный способ мышления в мир объектов, где люди могут увидеть его. Знаки и знаковые элементы — желтый цвет у Матисса, надрез у йоруба, — составляющие семиотическую систему, которую мы в теоретических целях хотели бы назвать эстетической, связаны с обществом идеационно, а не механически. Они, по выражению Роберта Голдуотера, представляют собой “первичные свидетельства”

²⁶ Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М., 2014. С. 256.

²⁷ Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Избр. статьи по антропологии. М., 2009. С. 192.

²⁸ Подорога В. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX—XX веков. М., 2013. С. 13.

(primary documents); это не иллюстрации уже функционирующих концепций, а самостоятельные концепции, которые пытаются найти — или для которых люди пытаются найти осмысленное место среди других свидетельств, равно первичных»²⁹.

Произведение искусства, в том числе и простейшее — колыбельная, рисунок, — артикулирует переживание, предлагая ему форму. Такие, предлагаемые для артикуляции переживаний формы, с одной стороны, несомненно, связаны с эпохой, культурой и др. И поэтому универсальные типологии эмоций, предлагаемые психологами³⁰, вызывают сомнения того же толка, что и универсальные цветовые классификации: как хорошо известно лингвистам и антропологам, люди различают мир в категориях своего языка и культуры. Эти категории, при сопоставлении, не совпадают в объемах, границах и архитектуре. Разным эпохам и разным сообществам свойственны разные «манеры чувствовать». Это положение на сегодняшний день — общее место гуманитарной науки.

Но при этом есть ощущение, что существует определенный спектр переживаний и соответствующих этим переживаниям форм (паттернов), делающих переживания различимыми и разделяемыми или, напротив, неразличимыми³¹. Это как-то связано с тем, что Бейтсон писал о поисках благодати и об удалении от нее. Попробуем передать это, используя метафору. В зоне ультрафиолета лежат метафизические, неразличимые посредством обычного восприятия вещей, но, тем не менее, артикулируемые посредством художественных форм в те или иные эпохи переживания: причастности, соучастия, сосредоточенности, радости и ликования. В зоне красной и инфракрасной — обида, тоска, гнев, желание обладать. То, что посредством своих изображе-

ний различал Филиппо Липпи или, например, Дионисий — тишина, внимание, высшая сосредоточенность, то, что различал Джованни Беллини и Андрей Рублев — течение предвечных вод, связывающих все воедино. И почти не видно этого, этой зоны чувствительности — тишины и высокой сосредоточенности в современных изображениях. То, что различал Иероним Босх, представлено в современном искусстве вполне, но это теперь оказалось в центре мира, а не на его трагических inferнальных окраинах.

Композитор О. Н. Каравайчук в своих рассуждениях о музыке и музыкантах предложил понятие двух волей, он назвал их «первая» и «вторая»³². Первая воля позволяет художнику различать и открывать слушателю надмирный вальсок, она не требует собственного «воления». Вторая, человеческая, предполагает целые социальные институты, которые обучают человека «волить» самостоятельно, и тогда он не слышит небесную музыку.

Можно предположить, что стиль эпохи определяет не только то, как что-то изображается, но также и то, что именно становится подлежащим артикуляции, что — из всего того, что может быть переживаемо отдельным человеком, — оказывается транспонировано из фона в фигуру, связано в констелляцию и удержано сообществом как паттерн. Стиль определяет то, какие именно связи и отношения создают жизненный мир сообщества. Мамардашвили называет стиль «артикулированной конфигурацией»: «...значит, сковать звеньями стиля — так же ...как в жизни, когда, сблизив качество двух ощущений... он [Мамардашвили пересказывает текст Пруста. — С. А.] выявит их общую сущность, объединив их одно с другим, чтобы освободить их от случайностей времени, и объединит их в метафоры». Объединение в метафоры двух разных ощуще-

²⁹ Гирц К. Искусство как культурная система / пер. Д. Аронсона; под ред. А. Корбуты // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. С. 36.

³⁰ См., напр.: Изард К. Э. Психология эмоций.

³¹ Г. Померанц и З. Миркина в книге «Великие религии мира» исследовали эту сферу человеческого опыта: «... религиозные традиции как форма, в которой человек знает свою связь с глубиной жизни и одновременно богатство и глубину своей собственной души, т. е. то, чем памятники религии соприкасались с искусством, философией, этикой и т. д. Наша книга о святых, которые наполняли жизнь людей смыслом, о том, как этот смысл утрачивался и отыскивался вновь...» (Померанц Г. С., Миркина З. А. Великие религии мира. 3-е изд. М., 2006. С. 7).

³² Каравайчук говорил об этом на своем последнем дне рождения (в декабре 2016 г.), когда в кафе играл и разговаривал со своими гостями. Мне посчастливилось быть в их числе, я пересказываю то, что запомнила.

ний есть — и это очень важно — высвобождение чего-то из случайности времени, то есть высвобождение чего-то из потока стихийного рассеяния, каким является временной поток, так, чтобы держать это над потоком; а держится это с помощью метафоры... Значит метафора не есть эстетический объект у Пруста. И все, чем мы занимаемся, это не эстетика, не литература (хотя в то же время и эстетика, и литература), — нет, мы занимаемся нашей жизнью как достойной жизнью, в смысле жизнью существ с организованным и нераспадающимся сознанием. Просто, оказывается, у нераспада сознания есть инструменты»³³.

И Бейтсон, и Мамардашвили говорят об интеграции, которая в любой культуре имеет свои инструменты, к таковым относятся метафоры и иные не прямые связи восприятий, удерживающие смыслы и чувства во времени. С точки зрения отдельного человека это то, что делает осмысленной жизнь, высвобождая опыт из-под атаки «ощеривающихся» (по образному определению Мамардашвили) на состоявшееся впечатление-переживание привычек и автоматизмов. Но Мамардашвили интересовала ситуация выхода из-под производящего жизненный мир автоматизма. Нас же интересовало то, как привычки создают мир, размещают в нем смыслы и ценности и обеспечивают согласованную реальность.

³³ Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. С. 366.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ЭА «Российская повседневность» — Электронный архив «Российская повседневность» АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры». Сайт «Электронный архив “Российская повседневность”». URL: <http://daytodaydata.ru/>

ФА СПбГУ — Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета; Бел — Белозерское собрание, Ваш — Вашкинское собрание, Сям — Сямженское собрание; первая цифра шифра — обозначение жанра в принятой жанровой классификации, вторая цифра — порядковый номер единицы хранения.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>